

Э. Мейла

КРЫМ У ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА: ОТ ЖИЗНИ К ТЕКСТУ И ОБРАТНО

Романы и повести Василия Аксенова отличаются разнообразием пространственных перспектив, парадигма пространства в них особенно важна. Аксеновские герои постоянно путешествуют, переезжают, перед читателем предстают писатель-путешественник и странствующий персонаж¹. Пространственные «границы» аксеновского текста как будто нацелены на постоянное расширение.

И все же лишь одному роману дано собственно географическое название. Я имею в виду «Остров Крым», который был написан еще в СССР в 1977–1979 гг., а опубликован уже в США в 1981 г. — таким образом жизнь этого романа в пространстве оказалась поставленной под знак раздвоения, как и само его содержание².

Поскольку нас интересует образ Крыма в русской культуре, статья будет посвящена мифологизации крымского пространства в этом романе.

В семи главах из четырнадцати действие романа происходит в Крыму, в основном в Симферополе, названном автором Симфи. В других главах действие происходит в Москве, а в одной из глав — в Париже. Роман по жанру относится к альтернативной истории. События разворачиваются в конце семидесятых. После гражданской войны Крым получил независимость и теперь представляет собой

¹ Не случайно Петр Вайль и Александр Генис пишут об Аксенове, что он « всю свою жизнь старался сделать окно в мир пошире » (*Вайль П., Генис А. Современная русская проза. Анн Арбор, 1982. С. 87*).

² Конечно, еще в СССР роман появился в самиздате; публикацию его в США можно назвать «официальным» выходом в свет.

процветающее государство с американизированным образом жизни — нечто вроде Тайваня или Гонконга. Главный герой, Андрей Лучников, — процветающий (как и Крым) известный журналист, главный редактор самой популярной газеты на острове. Он мечтает, чтобы остров присоединился к СССР, и действует соответственно этому идеалу, возглавляя вместе с товарищами ИОС — движение «Идея Общей Судьбы». В романе представлено три поколения Лучниковых. Самый старший, отец героя, дорожит духовными ценностями, сформированными в царской России. Лучников младший, сын героя, выступает против отца и отстаивает независимость Крыма как космополитического государства. В конце романа советские танки въезжают на остров. Страна теряет свободу, а жизнь героя складывается трагически: погибают обе его любовницы и отец, сын покидает остров в лодке с женой-американкой и новорожденным ребенком.

Изобилие

Крым характеризуется изобилием, доходящим до чрезмерности и избыточности. В соответствии с этим подбираются лексика и стилистические приемы. В описаниях острова автор употребляет гиперболы, нагромождает имена существительные и прилагательные с положительным значением, часто прибегает к превосходной степени (например, небоскребы построены «самыми смелыми архитекторами мира»).

Гиперболическое письмо подчеркивает необычайность места: остров отличается обилием света, жарким климатом, широкими видами на море, чувственной экзотичной колоритностью: «Испаряющийся запах полыни на востоке, теплый дух первосортной пшеницы в центральных областях, пряные ароматы татарских базаров в Бахчисарае, Карасу-базаре, Шуфут-кале, будоражающая секреция субтропиков»³.

³ Аксенов В. Остров Крым. М., 1990. С. 176. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

Эти черты аксеновского острова соответствуют традиционному и даже шаблонному образу Крыма как природного рая. Но подобная трактовка Крыма подвергнута в романе весьма решительной трансформации. Природные описания встречаются редко и отступают на задний план. Аксеновский Крым — это городской Крым. Поэтизируется не природа, не старые города и достопримечательности, а ультрасовременный, футуристический пейзаж: «ВФ <восточный фривей>, вылетая из Симфи, набирает едва ли не авиационную высоту. Легчайший серебристый виадук с кружевами многочисленных съездов и развязок, чудо строительной техники» (10).

Аксеновский Крым — место материального изобилия, города богаты и современны, с огромной сетью автострад («фривеев», причем не простых, а «восьмирядовых») и тоннелей, с небоскребами, магазинами, торговыми центрами. Остров богат природными ресурсами (нефтью, например).

В городском и природном пейзаже доминирует вертикаль (скалы, небоскребы), и это агрессивная, фаллическая вертикаль — характерно первое предложение романа: «Всякий знает в центре Симферополя, среди его сумасшедших архитектурных экспрессий, дерзкий в своей простоте, похожий на очиненный карандаш небоскреб газеты „Русский Курьер“» (7).

Но задано и горизонтальное измерение пространства — благодаря сети дорог и тоннелей. Пустое пространство сведено к минимуму (в данном случае оно ограничивается морем).

Вообще аксеновский Крым характеризует густота — физическая густота «архитектурных экспрессий», автомобильного движения и толпы на улицах и в магазинах, но и символическая густота, воплощаемая в интенсивности самой жизни. Автор несколько раз возвращается к описаниям упоительно завораживающей скоростной езды. Целая глава посвящена автомобильной гонке, в которой участвует герой, и он, между прочим, оказывается победителем, что вполне логично в этом постоянном стремлении к максимуму. «Автомобильное стадо вместе с лучниковским „питером“ стало втягиваться в Подземный Узел, сплетение туннелей, огромную развязку, прокрутившись по которой, машины на большой скорости выскакивают

в нужных местах Крымской системы фривеев. По идее, подземное движение устроено так, что машины набирают все большую скорость и выносятся на горбы магистралей, держа стрелки уже на второй половине спидометров» (8).

Люди живут свободно и раскованно, обеспеченной и беспечной жизнью. Текст насыщен эротическими метафорами, но автор не ограничивается намеками, в романе много эротических сцен, которые подчеркивают чувственность, разлитую в воздухе южной и теплой страны, символизируют свободу нравов и легкость общения. Герою дано изведать эпикурейские наслаждения, почувствовать вкус хорошей жизни во всех ее проявлениях.

Симулякр

В реалистический художественный мир романа постоянно вводятся нереалистические элементы: точность и фантазия сосуществуют, тесно переплетаясь. Проза Аксенова в данном романе «условно-метафорическая», как определяет ее В. А. Свительский⁴. Самое очевидное смещение действительности — превращение Крыма в остров, подверженный землетрясениям. Реальный Крым трансформируется в рамках художественного мира. Вот как автор описывает торговый центр «Аркады воображения»: «Вдруг пейзаж стал резко меняться. Лунный профиль Сюрю-Кая значительно растянулся, и показалось, что стоишь перед обширной лунной поверхностью, изрезанной каньонами и щелями клыкастых гор. Ошеломляющая новизна пейзажа! За волошинским седым холмом вдруг вырос некий базальтовый истукан. Шаг в сторону — из моря поднимается неведомая прежде скала с гротом у подножия... Тогда он вспомнил: Диснейлэнд для взрослых! Он уже где-то читал об этом изобретении коктейбельской скучающей администрации. Так называемые „Аркады Воображения“. Экое свинство — ни один турист не замечает перехода из мира естественного в искусственный: первозданная природа вливается сюда через искусно

⁴ Свительский В. А. Динамика изображения в романе Василия Аксенова «Остров Крым» // Василий Аксенов: Литературная судьба. Самара, 1994. С. 130.

замаскированные проемы в стенах. Вливается и дополняется замечательными имитациями. Каждый шаг открывает новые головокружительные перспективы» (38–39).

Остров становится декорацией, барочным местом иллюзий, где невозможно отличить реальное от искусственного. Здесь царит «фантазия, подобная прозрачному киномиру, существующему материально, пока идут съемки и нужны выстроенные декорации»⁵. Автор несколько раз упоминает кино. В реалистическом аспекте Крым — действительно место кинофестивалей и киносъемок, герой замечает, что остров «стал сплошной съемочной площадкой», а в символическом аспекте — это место вымышленной второй действительности. Вспомним, например, эпизод, в котором Таня Лунина, любовница героя, вдруг оказывается перед слоном и автор не сразу объясняет, что это снимают фильм. Появление слона усиливает бредовое состояние, растерянность героини и одновременно придает фантастичность образу Крыма.

Остров Крым — симулякр в бодрийеровском смысле: избыточность всех его знаков ведет к потере конкретной сущности и аутентичности.

Искусственность Крыма постоянно ощущается Лучниковым, с точки зрения которого ведется большая часть повествования. Характерна реакция героя (и, между прочим, ирония автора) в конце романа после смерти второй его любовницы, когда советские танки демонстрируют свою мощь на улицах столицы:

« — Мустафа, ты понял наконец, что вокруг нас происходит? — с улыбкой спросил Лучников.

Юный красавец тряхнул головой, будто пытаясь рассеять навязание: пустынный мыс, полумузей-полукладбище, тяжелый, в византийском стиле русский храм, гигантский, вползающий в Севастополь стальной храм Советов, перебинтованный труп молодой женщины на мозаичном полу, ее хохочущий любовник, развалившийся у колонны... Мустафа повернулся и побежал к церкви.

⁵ Свительский В. А. Динамика изображения в романе Василия Аксенова «Остров Крым». С. 129.

— Это же киносьемки! — хохотал Лучников, не заметивший его исчезновения. — Ничего не скажешь, американский размах» (275).

Очевидно, что Крым у Аксенова — не поэтический топос (каким он обычно предстает в русской литературе), а геополитический, соответствующий определенной жанровой традиции. Будучи островом, Крым четко обособлен, он занимает удаленное периферийное положение по отношению к центру, живет по собственным правилам. Он отделен от СССР, а точнее — от России. Такой выбор места типичен для утопий или антиутопий, в которых изображается жестко отграниченный от внешнего мир. В этом смысле остров — жанровый топос, и жанр произведения Аксенова восходит к антиутопии с перевернутыми ценностями: общество, где царит свобода, превратится — уже за рамками повествования — в общество, лишившееся свободы.

В романе дано столкновение двух противоположных ценностных систем. Особенности острова Крыма и крымского общества отсылают читателя, конечно, к Америке, а точнее — к Калифорнии. Крым — квинтэссенция капиталистического мира, который изображен в сгущенных красках, но в нем все еще живет дух дореволюционной России.

Литературное «прошлое» Крыма, то есть «крымский текст», присутствует только в редких намеках: повествователь упоминает памятники Пушкину, Волошину, «стиль Серебряного века», «Белую гвардию». Встречается отсылка к Чехову, но поданная в сниженном стиле: невежественный американский режиссер, увидев молодую женщину, вспоминает «Даму с собачкой» и ее «пекинеса» (sic!):

«— Это она, — пробормотал он. — Посмотри, Арсен, вот прототип той чеховской дамочки, могу спорить, не хватает только пекинеса.

Арсений Николаевич, в отличие от бестактного банкира, не стал нахально взирать на незнакомую даму, а обернулся только спустя некоторое время, и как бы случайно. Приятная молодая женщина с приятной гривой волос, в широком платье песочного цвета, сидевшая в полном одиночестве перед бокальчиком мартини, показалась ему даже знакомой, но уж никак не чеховской героиней» (144).

Античное наследие Крыма (византийское и древнегреческое) представлено поверхностно и не имеет большого значения ни для персонажей, ни для действия. Имеются переключки с «петербургским текстом» (гостиницы, например, называются «Васильевский остров» и «Невский проспект»), но их мало, и они не развернуты.

Герой живет в настоящем и в будущем времени, а не в прошлом с его мифологией и литературой. Его журналистская деятельность преследует вполне определенные идеологические и политические цели, и сам роман Аксенова выстраивается как идеологическое высказывание (не случайно из современников упоминаются только Александр Солженицын и Андрей Сахаров).

Остров становится метафорой моральной деградации и вырождения. Крым — «аморально богатая страна», Коктебель «с его вертепами» — место, где можно видеть такое зрелище: «...прогуливались от столиков до моря и обратно сногсшибательные ялтинские девушки, которые сами себя называли на советский манер „кадрами“. Были они не то чтобы полуголые, но, попросту говоря, неодетые — цветная марля на сосках и лобках, по сравнению с которой любое самое смелое бикини прошлого десятилетия казалось монашеским одеянием» (143).

Крым — это мир кажимостей и отражений. Погруженный в его контекст герой страдает от вечной болезни русской интеллигенции — чувства вины перед народом за свое благополучие, вины богатого перед бедным. Как пишет Виктория Шохина, «здесь сострадание и героизм; жертвенность и чувство вины, то есть весь комплекс российского интеллигентского сознания, каким оно складывалось начиная с петровских времен. Интеллигенция всегда испытывала вину — перед крепостными, перед пролетариатом, перед народом, всегда была готова к жертве и даже искала ее»⁶. Роман представляет поражение идеалиста, «изжитие остатков утопизма, одоление собственной романтической экстремы»⁷.

⁶ Шохина В. Таинственный остров // Октябрь. 1990. № 11. С. 201.

⁷ Свительский В. А. Динамика изображения в романе Василия Аксенова «Остров Крым». С. 133.

Гибридизация

Особенности места влияют на политические взгляды персонажей. С одной стороны, остров обособлен, но, с другой стороны, — это открытое пространство, здесь живет смешанное население: русские, татары, англичане, не считая соседей (греков, турков) и туристов, многие из которых являются американцами. Антон, сын Лучникова, так представляет кредо политического движения, к которому он примыкает: «Яки — это хорошо, это среднее между „якши“ и „о'кей“, это формирующаяся сейчас нация Острова Крыма, составленная из потомков татар, итальянцев, болгар, греков, турок, русских войск и британского флота. Яки — это нация молодежи. Это наша история и наше будущее, и мы плевать хотели на марксизм и монархизм, на Возрождение и на Идею Общей Судьбы!» (20–21).

На территории Крыма встречаются Европа, Азия и Америка. Эта открытость миру подчеркивается контрастом с Советским Союзом, который предстает на страницах романа параллельно с Крымом. Действие в московских главах, в отличие от крымских, чаще всего происходит в закрытых помещениях — в автобусе, в бане, в кабинетах; замкнута и среда партноменклатуры.

Космополитизм, конечно, традиционен для образа Крыма и все еще актуален⁸. Он находит свое отражение и в языке Аксенова, в котором много иноязычных (в основном английских, конечно) заимствований и неологизмов, построенных на гибридном сочетании русских и иноязычных корней⁹. Вот примеры: «Обращение „челло“ так глубоко вошло в обиход, что даже врэвакуанты иногда им пользовались, хотя большинство из них решительно отвергало жаргон яки. Образовалось оно из обыкновенного русского „человека“»; и дальше: «Луч-

⁸ В современном романе «Медея и ее дети» Людмилы Улицкой Крым является символом счастливого и гармоничного космополитизма, примером толерантности (напомним, что героиня — греческого происхождения и живет в центре целого клана).

⁹ Отсылаю читателя к статье Нины Колесовой, в которой очень подробно изучен лингвистический космополитизм автора: Колесова Н. В. Иноязычия в романе В. Аксенова «Остров Крым» // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 2003. Вып. 4–5. С. 36–43.

ников не понимал и половины этого словоизвержения, но из другой половины уловил, что он, „атац“, — молодец, что „Антика-ралли“ — это „яки“, это „холитуй“ („хolidays“ плюс „сабантуй“, то есть „праздник“) для всех, но на „виктори“ пусть не рассчитывает, победит сильнейший, фаворит „яки“ двадцатитрехлетний Маста Фа на двухсот-сильном „игле“ » (208—209).

Роман затрагивает вопросы, которые все еще актуальны, — они связаны с взаимоотношениями между народами внутри СССР или России, между русскими и иностранцами. В конце романа Лучников-младший спасается в лодке, как в ноевом ковчеге, вместе с женой, сыном и советским подданным, Беном-Иваном, который пересекает все границы без проблем. Советский солдат отказывается стрелять в них, а полковник Сергеев, давший приказ стрелять, начинает сомневаться в смысле собственной жизни. Аксенов оставляет маленькую надежду на то, что человек не совсем озверел и, главное, — что границы могут быть преодолены. Что, собственно, и случилось лет через пятнадцать после написания романа.

В фотографии есть прием наслаивания друг на друга двух снимков. Точно так же Аксенов накладывает друг на друга два шаблонных образа: Америки и русского Крыма. В результате обнаруживается двойная потеря: утрачен рай России-Крыма-свободы-изобилия, и одновременно терпит крах русский идеализм. Мир изобилия, удовольствий, чувственных радостей разрушен ради абстрактных бестелесных идеалов. Сама материя жизни принесена им в жертву (не случайно любовницы героя погибают). Америка служит у Аксенова воплощением «вражеской» идеи, Крым — воплощением чувственной материи жизни. Совмещение образов Крыма и Америки, несколько неожиданное и нетрадиционное, позволяет Аксенову расширить границы «крымского текста» русской литературы.